

Научная статья

УДК 343.82

doi: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).3.334-341

О РАЦИОНАЛЬНОМ ПРИМЕНЕНИИ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ И СРЕДСТВ ИСПРАВЛЕНИЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Виктория Александровна Можайкина¹

¹ Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия, vmzh2022@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0001-0952-9360>

Аннотация. В статье раскрываются основные трудности, возникающие при реализации принципа рационального применения мер принуждения и средств исправления в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы в России. При помощи анализа основных положений уголовно-исполнительного законодательства, данных официальной статистики, судебных решений и трудов ученых-пенитенциаристов сформулировано авторское мнение по вопросам совершенствования норм закона и оптимизации правоприменительной практики. Доказано, что обеспечить эффективную реализацию принципа рационального применения мер принуждения позволит законодательное вменение сотрудникам мест лишения свободы обязанности фото-, видеофиксации факта совершенных осужденными нарушений. Сделан вывод об избыточности законодательного определения «основные» применительно к характеристике средств исправления осужденных. Аргументирована и обоснована целесообразность установления открытого перечня средств исправления осужденных.

Ключевые слова: лишение свободы, средства исправления, система социальных лифтов, правонарушения, осужденные, экономия репрессии

Для цитирования

Можайкина В. А. О рациональном применении мер принуждения и средств исправления при исполнении лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 3. С. 334–341. DOI: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).3.334-341.

Original article

ON THE RATIONAL USE OF COERCIVE MEASURES AND MEANS OF CORRECTION IN THE EXECUTION OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Viktorija Aleksandrovna Mozhajkina¹

¹ Southwest State University, Kursk, Russia, vmzh2022@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-0952-9360>

Abstract. The article reveals the main difficulties arising in the implementation of the principle of rational use of coercive measures and means of correction in the process of execution of a sentence in the form of imprisonment in Russia. With the help of the analysis of the main provisions of the penal enforcement legislation, official statistics, court decisions and the works of penitentiary scientists, the author's opinion on the issues of improving the norms of the law and optimizing law enforcement practice is formulated. It is proved that the effective implementation of the principle of rational use of coercive measures will be ensured by the legislative imputation of the duty of photo and video recording of the fact of violations committed by convicts to employees of places of deprivation of liberty. The conclusion is made about the redundancy of the legislative definition of «basic» in relation to the characteristics of the means of correction of convicts. Reasoned and justified the expediency of establishing an open list of means of correction of convicts.

Keywords: deprivation of liberty, means of correction, system of social elevators, offenses, convicts, economy of repression

For citation

Mozhajkina, V. A. 2023, 'On the rational use of coercive measures and means of correction in the execution of deprivation of liberty', *Penal law*, vol. 18(1–4), iss. 3, pp. 334–341, doi: 10.33463/2687-122X.2023.18(1-4).3.334-341.

Одним из наиболее суровых уголовных наказаний, исполняемых в современной России, является лишение свободы, ограничивающее целый спектр прав и свобод осужденного лица. Наибольшее количество норм Особенной части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (УИК РФ) посвящено порядку и особенностям его отбывания, поскольку в отличие от иных санкций лишение свободы не просто корректирует, а полностью меняет весь образ жизни осужденного. Высокие темпы назначения данного наказания (за 2022 г. число лиц, приговоренных к лишению свободы составило 167 165 чел., или 29 % от общего числа осужденных, к АППГ – 28 %¹) свидетельствуют о его масштабности и наряду с серьезным репрессивно-карательным потенциалом и высокими рисками злоупотреблений со стороны администрации исправительных учреждений обуславливают значимость всестороннего анализа основных начал, применяемых в процессе его отбывания.

¹ См.: Судебная статистика Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 01.08.2023).

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Современное состояние пенитенциарной системы требует обратить внимание на исследование такого специального принципа, характерного исключительно для отрасли уголовно-исполнительного права, как принцип рационального применения мер принуждения и средств исправления. В нем в концентрированном виде отражаются уникальные, свойственные только указанной отрасли права черты. Невзирая на то что во многих доктринальных источниках данный принцип рассматривается как структурный элемент принципа дифференциации и индивидуализации [1, с. 16; 2, с. 25], следует разделить точку зрения законодателя, выделившего его в качестве самостоятельного. Подобная конкретизация заставляет правоприменителя более тщательно подходить к вопросам исполнения выбранной судом санкции. Данный принцип распространяется на очень широкий круг общественных отношений и из соображений удобства требует более детализированного рассмотрения каждой из его составляющих.

I. Под рациональным применением мер принуждения в рамках института исполнения лишения свободы понимается реализация разумного подхода к использованию имеющегося арсенала мер принуждения в зависимости от индивидуальных характеристик лица, отбывающего наказание в исправительном учреждении. Как представляется, одна из главных целей конкретизации данного принципа связана с демонстрацией ухода от идеи наказания как возмездия за содеянное. Любое принудительное воздействие должно быть реализовано в разумных границах, минимально достаточных для исправления.

В данном аспекте стоит упомянуть о многократно изложенном в трудах ученых, включая пенитенциаристов, принципе экономии принуждения [3, с. 31; 4, с. 9; 5, с. 40]. С уверенностью можно констатировать, что содержательное наполнение данных принципов неодинаково. Экономия принуждения является частным случаем более разрабатываемого в уголовном праве принципа экономии репрессии, предполагающего достижение возможности исправления осужденных меньшими уголовно-правовыми средствами (например, назначением наказаний, не предусматривающих изоляцию от общества). Идея экономии активно развивается в нормах российского уголовного закона и в юридической практике, однако в смысловой части различается с исследуемым принципом. Рациональный (от греч. – основанный на разуме) подход на деле совсем не тождественен экономичному.

В частности, экономия – это только один из элементов рационального применения мер принуждения, который не ограничивается требованиями минимальности репрессии, а также подразумевает их достаточность и соразмерность. С психологических и этимологических позиций принуждение представляет собой один из способов подавления конфликта. Если в уголовно-правовом срезе речь идет о конфликте, сложившемся между государством и преступником на почве нарушения требований уголовного закона, то в уголовно-исполнительном конфликт возникает между государством и осужденным по вопросу обеспечения и соблюдения механизмов отбывания наказания. Для каждого из имеющихся видов уголовных наказаний характерен собственный набор средств принуждения, установленный законодателем. Применительно к лишению свободы рациональность такого принуждения предполагает целый спектр составляющих, включающих в себя реализуемые в разумных и достаточных границах требования режима, меры безопасности, меры дисциплинарной и уголовной ответственности и т. д.

Важная содержательная сторона изучаемого принципа – привлечение «провинившегося» осужденного к ответственности при максимальном учете обстоятельств соде-

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

янного. Особенности такого привлечения освещены целым комплексом статей УИК РФ (например, ст. 29, 46, 58, 102, 115, 136).

В затронутом аспекте целесообразно остановиться на изучении вопроса о рациональности применения указанных мер. О неудовлетворительном состоянии в данной сфере свидетельствуют федеральные статистические данные. Так, за истекший 2022 г. высший надзорный орган Российской Федерации признал незаконными около 500 фактов помещения осужденных в штрафной изолятор и отменил почти 2000 наложенных на лишенных свободы взысканий¹. На фоне неутешительной статистики Генеральный прокурор РФ И. В. Краснов отметил, что уголовно-исполнительную систему РФ «продолжает лихорадить», что непосредственно отражает практика прокурорского надзора в исправительных учреждениях².

На глобальный характер заявленной проблемы также указывают результаты мониторинга соблюдения прав человека в местах лишения свободы, проведенного крупнейшей организацией социологических исследований «Левада-Центр» совместно с благотворительным фондом помощи осужденным и их семьям. В частности, один из блоков вопросов был посвящен неоправданному применению принуждения со стороны администрации исправительных учреждений³.

Об игнорировании рациональности в применении сотрудниками мест лишения свободы мер принуждения свидетельствуют также примеры из современной практики российских судов. В частности, проведенный анализ позволил встретить следующие формулировки, содержащиеся в исках осужденных: «администрацией учреждения на него произвольно налагались взыскания»⁴, «взыскания сфабрикованы администрацией учреждения»⁵, «имеющееся у К. взыскание было наложено на него необоснованно»⁶ и т. д. При этом о нерациональности говорят следующие ключевые фразы, используемые в судебных решениях: «по надуманным основаниям, без постановки осужденного в известность, без учета устных пояснений осужденного, при отсутствии объективных доказательств, с учетом недостоверной информации и т. д.». Примечательно, что одним из судебных актов было отменено 25 решений о применении к осужденному мер взыскания⁷.

Сложившуюся ситуацию усугубляет и специфика российской пенитенциарной системы, частично обусловленная ее закрытым характером. Необходимость обеспечения условий изоляции сопровождается формированием в местах лишения свободы

¹ См.: Генпрокуратура подсчитала, сколько раз за год в тюрьмах нарушали закон. URL: <https://www.mk.ru/social/2023/04/13/genprokuratura-podschitala-skolko-raz-za-god-v-tyurmakh-narushali-zakon.html> (дата обращения: 04.08.2023).

² См.: Более ста тысяч нарушений выявили в колониях и СИЗО в 2021 году. URL: <https://ria.ru/20211116/narusheniya-1759274621.html> (дата обращения: 04.08.2023).

³ См.: Мониторинг соблюдения прав человека в местах лишения свободы. URL: https://zekovnet.ru/wp-content/uploads/2020/01/report_rights_in_mls.pdf (дата обращения: 04.08.2023).

⁴ Решение Нерчинского районного суда Забайкальского края от 9 октября 2020 г. по делу № 2-195/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OGMHUiLj1tUh/> (дата обращения: 04.08.2023).

⁵ Апелляционное постановление Курганского областного суда от 5 марта 2019 г. по делу № 22-335/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UEfEAfqXzumv/> (дата обращения: 04.08.2023).

⁶ Апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 18 июля 2018 г. по делу № 22-3765/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html> (дата обращения: 04.08.2023).

⁷ См.: Решение Торжокского межрайонного суда Тверской области от 17 июля 2020 г. по делу № 2а-201/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8A7bYnVgIvW7/> (дата обращения: 05.08.2023).

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

особого микроклимата, с высокой латентностью различных правонарушений, включая несоблюдение принципа рационального применения мер принуждения.

Не менее острой представляется проблема, возникающая при доказывании осужденными фактов необоснованности наложения той или иной меры принуждения. Примером этого является апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 8 сентября 2020 г. по делу № 22-765/2020. В соответствии с поданной осужденным к лишению свободы Тойлуг-оола-А. П. жалобой наложенное на него взыскание в виде устного выговора (за нарушение формы одежды) было вынесено необоснованно. Как было отмечено адвокатом осужденного, вынесенное взыскание не было подтверждено фото-видеофиксацией, и в результате суд оставил жалобу осужденного без удовлетворения¹.

Пристальное внимание к вопросам принципа рационального применения мер принуждения было приковано в связи с непростой эпидемиологической ситуацией в стране, сложившейся на фоне эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19, когда изолированные по своей сущности исправительные учреждения фактически подверглись полной изоляции от внешнего мира в целях недопущения волны заражения среди осужденных и персонала. Вынужденные условия ужесточения режима не только сказались на деятельности учреждений ФСИН России, но и в определенной степени содействовали активизации поиска новых способов связи с социумом. Например, в разгар карантина, в июле 2020 г. в Республике Саха (Якутия) посредством использования возможностей видеоконференцсвязи был организован совместный прием между руководством ФСИН России и осужденными из нескольких колоний. В ходе мероприятия лицам, отбывающим лишение свободы, были даны ответы на интересующие вопросы, разъяснен порядок обращения в случае нарушения прав и свобод². Однако говорить о повсеместном распространении подобных мер не представляется возможным.

Вместе с тем важность и значимость контроля за реализацией принципа рационального применения мер принуждения не вызывает сомнений. Анализ рассмотренных судебных решений позволяет утверждать то, что нередко нерационально наложенные взыскания могут нарушать права и законные интересы осужденных и непосредственно тормозить механизмы улучшения их положения. Например, немало примеров из судебной практики связано с отказами в применении условно-досрочного освобождения, в переводе на более мягкий вид режима, а также в замене наказания более мягким именно по причине наличия взысканий, которые, по мнению осужденных, были наложены безосновательно³.

Изменить ситуацию, на наш взгляд, позволит вменение сотрудникам исправительных учреждений обязанности фото-, видеофиксации факта совершенных осужденными нарушений. На фоне активного внедрения средств автоматизации в деятельность органов и учреждений, исполняющих уголовные наказания, данное решение будет но-

¹ См.: Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 8 сентября 2020 г. по делу № 22-765/2020. URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/portal.html> (дата обращения: 05.08.2023).

² См.: 30 июля 2020 г. состоялся совместный личный прием в режиме видеоконференцсвязи граждан, отбывающих наказание в исправительных колониях. URL: <https://iu-upch.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3199980> (дата обращения: 06.08.2023).

³ См.: Апелляционное постановление Томского областного суда от 2 апреля 2018 г. по делу № 22-531/2018; Апелляционное постановление Костромского областного суда от 23 июля 2019 г. по делу № 22-683/2019; Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Бурятия от 26 декабря 2019 г. по делу № 22-2561. URL: <https://bsr.sudrf.ru/biggs/portal.html> (дата обращения: 06.08.2023).

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

сить резонный характер. Как справедливо отмечает А. А. Потапов, технические средства фото-, видеозаписи выступают «беспристрастным свидетелем» совершаемых нарушений, а также средством, с помощью которого подтверждается правомерность действий одной из сторон (осужденного либо администрации) [6, с. 169].

Практика показывает, что благодаря применению средств фотографирования и видеозаписи (включая видеорегистраторы) как сотрудники силовых ведомств, так и надзирающие за ними органы могут непредвзято оценить картину произошедших событий [7, с. 149]. Дополнительный, положительный эффект от предложенной меры сводится к усилению дисциплинированности сотрудников исправительных учреждений.

Осознавая колоссальную практическую и правовую «полезность» видеорегистраторов, еще в 2018 г. Генеральная прокуратура РФ предлагала на уровне закона обязать сотрудников ФСИН России применять их в процессе исполнения наказания, когда основным поводом для такого решения стало резонансное дело в одной из колоний Ярославской области¹. Данное предложение было направлено в законодательные органы, однако так и не было реализовано.

Безусловно, в правовом аспекте использование в исправительных учреждениях технических средств надзора и контроля оценивается как право администрации учреждения (ч. 1 ст. 83 УИК РФ). Единственным выходом, позволяющим обеспечить надежную реализацию принципа рационального применения мер принуждения в местах лишения свободы, видится дополнение ст. 115 УИК РФ «Меры взыскания, применяемые к осужденным к лишению свободы» частью 1.1 следующего содержания: «Обязательным условием применения к осужденным мер взыскания является подтверждение факта нарушения установленного порядка отбывания наказания материалами фотосъемки или видеозаписи». Полагаем, что предложенные изменения в действующий закон позволят оптимизировать практику применения мер взыскания, сделают ее более справедливой и объективной, снизят число выявляемых нарушений в данной сфере.

II. Рациональное применение средств исправления означает необходимое, «в достаточных границах» использование обоснованных инструментов исправительного воздействия на лиц, отбывающих лишение свободы. Бесспорно, разумный подход должен превалировать в отношении не только используемых мер принудительного воздействия, но и избираемых способов исправительного воздействия. Их исчерпывающий перечень содержится в ч. 2 ст. 9 УИК РФ.

В данном ключе стоит обратить внимание на частные проблемы, возникающие в затронутой сфере. Одним из условий, необходимых для того, чтобы принцип эффективно функционировал, выступает его согласованность с иными нормами действующего закона. Так, правоприменитель, установив требование рационального, разумного использования исправительных средств, использует при их регламентации в рамках ч. 2 ст. 9 УИК РФ определение «основные». Такой законодательный ход не совсем понятен. Следуя данной логике, наряду с основными должны наличествовать также неосновные, второстепенные средства исправления, которые не установлены в законе.

Процесс исправления, законодательная дефиниция которого содержится в ч. 1 ст. 9 УИК РФ, не ограничивается перечисленными в ч. 2 ст. 9 УИК РФ средствами, ведь достичь результата в виде исправления возможно только посредством использования

¹ См.: Генпрокуратура предложила обязать сотрудников ФСИН носить видеорегистраторы. URL: <https://www.interfax.ru/russia/634621> (дата обращения: 07.08.2023).

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

сложного комплекса способов и мер, в связи с чем не совсем корректно говорить о его основных и неосновных средствах. Например, наряду с изложенными в ст. 9 УИК РФ, выделяются также такие средства, как социальная работа, медицинская помощь, юридическая помощь и ряд других [8, с. 33].

Термин «основные» некоторым образом дезориентирует правоприменителя и заставляет сосредоточиться исключительно на законодательно поименованных средствах, в то время как иные механизмы привития уважительного отношения к обществу, воспринимаемые практиками как неосновные, или необязательные, могут оказаться более результативными. Например, не обозначенная в тексте ч. 2 ст. 9 УИК РФ психологическая работа нередко имеет более серьезное значение, чем, например, общественное воздействие. На противоречивость данной нормы также указал и С. А. Ветошкин, отметивший необоснованность установления общего образования как средства исправления наряду с игнорированием профессионального образования и профессионального обучения [9, с. 8].

Целесообразно полагать, что каждое из исправительных средств носит равнозначный характер и в современных условиях трудно предположить, какие из них будут иметь определяющий характер для конкретного осужденного, на основании чего видится неразумным: во-первых, установление исчерпывающего, закрытого перечня средств исправления; во-вторых, применение к ним термина «основные».

Таким образом, норма, содержащаяся в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, входит в непосредственное противоречие с рассматриваемым принципом рационального применения средств исправления и нуждается в корректировке в части законодательного исключения из нее определения «основные», а также указания на открытость перечня таких средств. Предложенные изменения будут способствовать более эффективному использованию потенциала исследуемого принципа.

Обобщая рассмотренное, необходимо отметить следующее.

Реализация специальных принципов уголовно-исполнительного права в отношении наказания в виде лишения свободы носит непоследовательный характер и нуждается в оптимизации. Во-первых, обеспечить эффективное применение принципа рационального применения мер принуждения, а также снизить нагрузку на судебный аппарат в части обжалования наложенных взысканий позволит законодательное вменение обязанности администрации мест лишения свободы фото-, видеофиксации факта совершения нарушения осужденным. Во-вторых, существенно препятствует применению принципа рационального применения средств исправления и нуждается в устранении в действующем законе исчерпывающего перечня средств исправления.

Список источников

1. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI вв. : учебник / под ред. А. И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2005. 701 с.
2. Зубарев С. М. Уголовно-исполнительное право : конспект лекций. 4-е изд., испр. и доп. М. : Высшее образование, 2010. 176 с.
3. Уткин В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. № 1(57). С. 29–36.
4. Уголовно-исполнительное право РФ / под ред. М. К. Кислицина. М. : Инфра-М, 2001. 259 с.

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

5. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: результаты теоретического моделирования / под ред. В. И. Селиверстова. М. : Юриспруденция, 2016. 80 с.

6. Потапов А. А. Средства видеофиксации как эффективный способ реализации прокурорского надзора за органами ФСИН России // Молодой ученый. 2019. № 34(272). С. 167–170.

7. Гилязов Р. Р. О практике применения сотрудниками полиции видеорегистраторов при фиксации правонарушений // Закон и право. 2020. № 9. С. 148–150.

8. Голодов П. В. Средства исправления осужденных: проблемы классификации и правовой регламентации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2(34). С. 30–34.

9. Ветошкин С. А. Основные средства исправления осужденных в российском уголовно-исполнительном законодательстве // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 7(218). С. 4–12.

References

1. Zubkov, A. I. (ed.) 2005, *Penal enforcement law of Russia: theory, legislation, international standards, domestic practice of the late XIX – early XXI centuries: textbook*, 3rd edn, Norma, Moscow.

2. Zubarev, S. M. 2010, *Penal Enforcement Law: Lecture Notes*, 4th edn, *Higher Education*, Moscow.

3. Utkin, V. A. 2022, 'Rationality of coercion as a principle of legal regulation of the execution of deprivation of liberty', *Penitentiary Science*, iss. 1(57), pp. 29–36.

4. Kislicin, M. K. (ed.) 2001, *Penal Enforcement Law of the Russian Federation*, Infra-M, Moscow.

5. Seliverstov, V. I. (ed.) 2016, *The general part of the new Penal Enforcement Code of the Russian Federation: results of theoretical modeling*, Jurisprudence, Moscow.

6. Potapov, A. A. 2019, 'Means of video recording as an effective way to implement the prosecutor's supervision of the FPS', *A young scientist*, iss. 34(272), pp. 167–170.

7. Giljazov, R. R. 2020, 'About the practice of using video recorders by police officers when fixing offenses', *Legislation and law*, iss. 9, pp. 148–150.

8. Golodov, P. V. 2016, 'Means of correction of convicts: problems of classification and legal regulation', *Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction*, iss. 2(34), pp. 30–34.

9. Vetoshkin, S. A. 2020, 'The main means of correction of convicts in the Russian penal enforcement legislation', *Vedomosti of the Penitentiary System*, iss. 7(218), pp. 4–12.

Информация об авторе

В. А. Можайкина – аспирант кафедры уголовного права.

Information about the author

V. A. Mozhajkina – postgraduate student of the Department of Criminal Law.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 14.09.2023.

The article was submitted 15.08.2023; approved after reviewing 12.09.2023; accepted for publication 14.09.2023.